

В. В. Напольских
**«ЛИЧНОЕ ДЕРЕВО» В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ
 И СЛЕДЫ МЕРЯНСКОГО СУБСТРАТА
 В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ КОСТРОМСКОГО КРАЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-6-15

УДК 39(=82):94(470.317) ББК 63.521(=411)

В рекрутской обрядности Костромской и южной части Вологодской области Топонимической экспедицией УрФУ зафиксированы обычаи украшения дерева на выходе из деревни во время проводов или подвешивания такого украшенного дерева на фронтон дома рекрута и обычаи заламывать или завертывать верхушки деревьев на краю деревни при проводах рекрута и некоторых других знаменательных событиях в жизни человека. В статье показано, что эти обычаи имеют разное происхождение и из разных источников были включены в рекрутский обряд в ходе его формирования в XVIII–XIX вв. Обычай украшения деревьев представляет собой прямое заимствование из свадебного обряда и происходит от общеславянской традиции украшения дерева, символизирующего «девью красоту». Обычай заломов имеет субстратное происхождение и восходит, вероятно, к традиции костромской мери, которая реконструируется на базе характерных прежде всего для народов урало-юкагирской семьи представлений о личной связи человека с деревом (коми *ас ну*) и древнейшего обычая маркировать важные события в жизни человека (*rites de passages*) с помощью изготовления личного дерева путем специального обламывания веток на хвойных деревьях, сохранившегося у карел (*карсикко*), удмуртов (*чыртыё кыз*), юкагиров (*орполуэ*), проникшего в древности в Северную Америку и зафиксированного у индейцев карок в Северной Калифорнии.

Ключевые слова: *этнография, русские, рекрутская обрядность, мерянский субстрат, деревья в обрядах, карсикко, уральские народы, Северная Евразия*

В ходе работ Топонимической экспедиции Уральского университета 2023 г. в Межевском и Макарьевском районах Костромской области мы обратили внимание на сохранение до недавнего времени у местного русского населения обычая проводов в армию: на фасаде дома, из которого ушел призывник, под коньком вешают украшенное лентами деревце (елочку или березку), которое остается там до его возвращения (см. рис. 1, 1). Этот обряд под названием «*девишник*» был описан на Унже (Кологривский уезд) и Ветлуге (Варнавинский уезд) еще в начале XX в.: при проводах в армию на некотором расстоянии от деревни рекрут ломал или выдергивал с корнем елочку (иногда влезал на большое дерево и обламывал верхушку) и передавал ее девушкам. Девушки потом собирались в доме рекрута и украшали елочку лентами, делали к ней из тряпок куклу-

солдатика. Затем елочку и солдатика прибавляли под конек дома (иногда куклу-солдатика дополняли куклой-девушкой), и они висели там до возвращения солдата как память.¹

При расспросах выяснилось, что там же существовал еще обычай украшать лентами и венками дерево за деревней (чаще елочку, но в принципе могли выбирать любое), которое оставляли затем до возвращения солдата:

Собираются девчонки, наряжают ёлочку — и метельки <лоскутки>, и тряпочки разные — и приколачивают к дому того, кто уходит. А снимают, когда придет из армии. В волоку <лесная дорога, лес> ёлочку обряжали, и пока он в армии — пусть она стоит, её не срубают (Меж.: Поденьевича).²

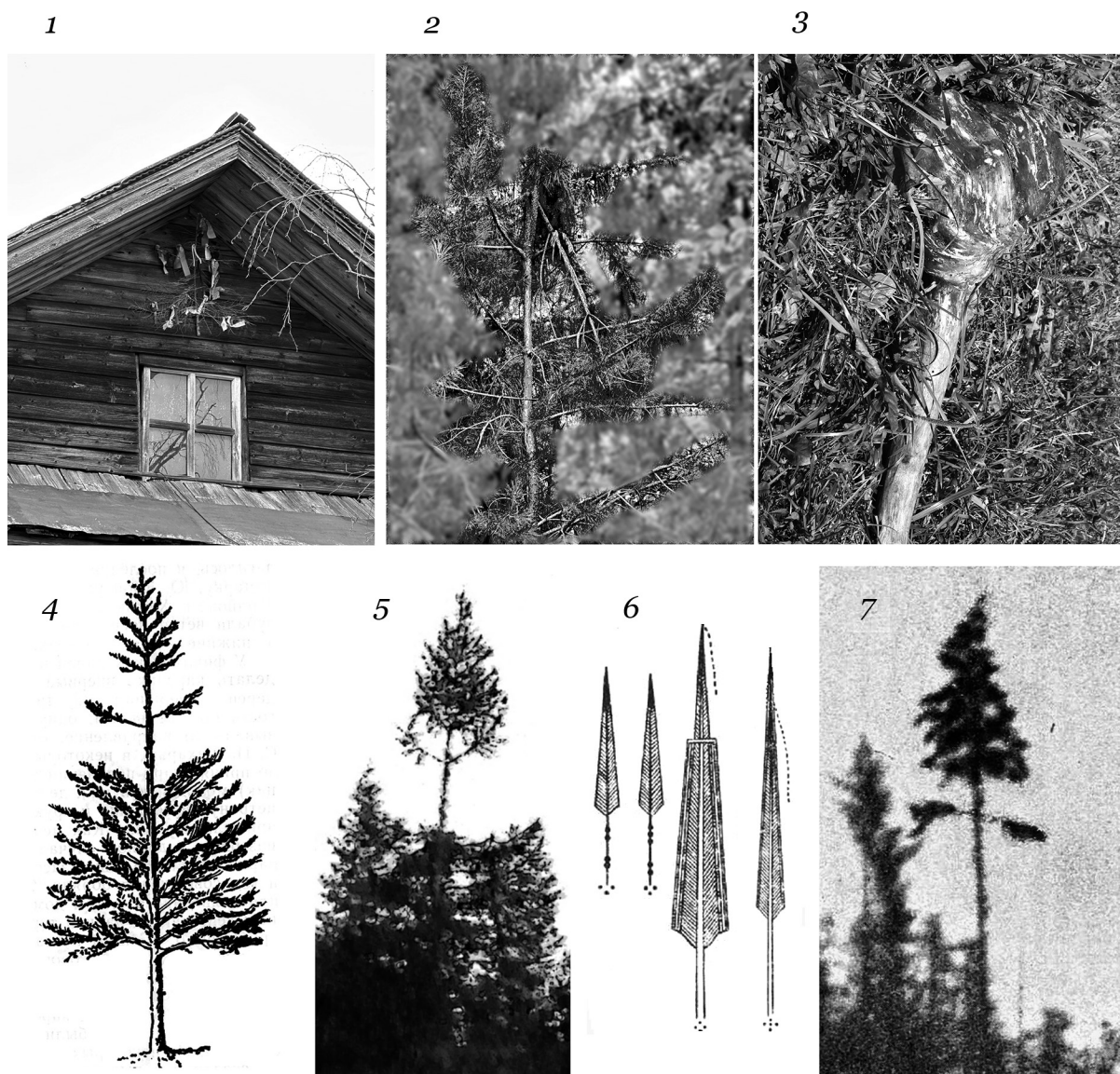
Ёлочку рубят хоть кто. Ёлочку наряжают девушки, которые на провода пришли. Друзья приколачивают под коньком. Не снимают,

Напольских Владимир Владимирович — д.и.н., чл.-корр. РАН, в.н.с. Топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: vovia.nap@ya.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10029 «Традиционная культура костромской деревни в советское и постсоветское время: электронный корпус этнолингвистических материалов» (рук. О. Д. Сурикова)

¹ См.: Завойко Г. К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке (Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг.) // Этнографический сборник. Кострома, 1917. С. 22, 23. (Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края; вып. 8).

² Здесь и далее, если не указан иной источник, используются материалы лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ. Принятые сокращения: районы Костромской области — Вох. (Вохомский), Мак. (Макарьевский), Меж. (Межевской), Пыщ. (Пыщугский), Шар. (Шарьинский); районы Вологодской области — К-Г. (Кичменгско-Городецкий), Ник. (Никольский).



1 — рекрутское деревце под коньком, с. Георгиевское (Меж.), 2023 г. (фото О. Д. Суриковой); 2 — залом на сосне у пос. Первомайского (Меж.), 2023 г. (фото О. Д. Суриковой); 3 — спиленный кулак — экспонат из экспозиции музея «Горница», с. Одоевское (Шар.), 2013 г. (фото Е. Л. Березович); 4 — карельское карсикко (по: Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 89); 5 — юкагирское орпобуэ (по: Демина Л. Н. Одун ньэмолъил = Юкагирский год. Книга для чтения для учащихся. Якутск, 2015. С. 86; в этой публикации употреблен термин орпонраа, где раа < шаа(л) 'дерево'); 6 — изображения людей как деревьев в юкагирской пиктографии (по: Жукова Л. Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск, 1988. С. 140); 7 — ikfithar у карок (по: Keeling R. Cry for Luck. Sacred Songs and Speech Among the Yurok, Hupa, and Karok Indians of Northwestern California. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 128).

оно так и висит. И потом, когда повели, у дороги тоже наряжают ёлочку, где с ним растаются, её не срубуют (Меж.: Первомайский).

В Костромихе <деревня> ёлочку наряжали, приколачивали к дому. Девчонки наряжали. А теперь у нас ёлочку в волоку наряжают. Провожают налú <когда> в вóлок солдата (Меж.: Петушиха).

На выходе из деревни, рекрут когда шел, его друг залезал на дерево, привязывал ленточ-

ку. Или искали самое высокое дерево, солдатик залезал, привязывал. Дерево — неважно, какое. Когда сам провожал сына — на тополь привязывали. На выезде из Юрова <село> — куча деревьев с лентами была. Ленты висели, пока не оборвутся (Мак.: Большие Рымы).

В ряде населенных пунктов дерево выбирал сам призывник и вместо украшения заламывал его верхушку (непрерменно у хвойного дерева — елки или сосны):

Призывник накануне срубал елочку, и потом девушки привязывали тряпочки и игрушки вешали. И эту елочку приколачивали к коньку под козырек. По дороге рекрут делал заломку: верхушку заламывал у елочки. И верхушку эту поворачивают к дому, чтобы возвратился солдат домой. Вершинки заламываются к поселку (Меж.: Первомайский).

Нам удалось найти у дороги из пос. Первомайского в с. Георгиевское, примерно в километре от поселка, несколько елок и сосенок с такими старыми заламами (см. рис. 1, 2).

Помимо сведений из Межевского и Макарьевского районов, в картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета имеются материалы о подобном использовании деревьев (деревце на фронтоне и залом в лесу) в рекрутской обрядности Пыщугского, Вохомского, Островского районов Костромской области и Никольского, Кадуйского, Бабушкинского, Кичменгско-Городецкого районов Вологодской области:

Ёлочку наряжали, когда сына в армию провозжали. Ёлочку в конёк приколачивали у дома, а в конце деревни другую ёлочку заламывали и наряжали. За два года службы она прирост какой даст. Если заломанная ёлочка усохнет, то что-то случится с рекрутом, а если живая — всё хорошо будет (Меж.: Георгиевское).

В армию отправляют — ёлочку наряжают, приколачивают к дому сверху. И солдата сошьют — куклу, как мужчину, в штанишках сделают и вместе с ёлочкой на дом поставят. А как пойдут провожать парня, он заломает ёлочку, и девчонки ленточку привяжут. А ёлочку с солдатом снимут, только когда парень с армии вернётся (Пыщ.: Пыщуг).

Провожая в армию, доходили до первой речки, там разрывали платок пополам. Одну половину забирала мать, другую рекрут отпускал по воде. Затем рекрут забирался на ель и заламывал её верхушку так, чтобы, сломанная, она глядела в сторону дома. После такого прощания гости проводов в армию в дом рекрута не возвращались (К-Г.: Еловино).

Идут до ростаней <перекресток>. На ростанях найдёт парень берёзу, сделает завёртышек из её, из лапчкёв <тонкие ветки>. Если он не разовьётся, пока парень в армии, значит, с им всё будет хорошо. Если разовьётся — худо (Ник.: Серпово).

Судя по описаниям, на березках чаще делали именно такие завёртышки в форме кольца,

а на хвойных деревьях заламывали верхушки: по-видимому, завить в кольцо проще верхушку березы, чем ели или сосны. Бывали, впрочем, случаи завёртышек и на хвойных деревьях. Тогда, если дерево продолжало расти, на его верхушке образовывался нарост, называемый кулаком (см. рис. 1, 3). Интересно, что такие завёртышки/кулаки делали не только по случаю проводов в армию:

Кулак завязать 'завязать узел на стволе дерева, который служит памятным знаком (например, в память о первом приходе на покос)': Кулак завяжем на ёлке, на пихте — самой мяхкоё дерево (Шар.: Одоевское).

Завязываешь у её верхушку, так оно вырастает — кулак и есть. Когда хочешь, тогда и делаешь, каждый для себя делает. Тебе надо что-то, для будущцова завяжешь, вырастает такой наросток. Хоть на колотушку спливай (Вох.).³

Завёртышек/кулак как память о важном или случившемся впервые события напрямую переключается с темой карсикко неофита (см. далее). И здесь можно отметить важное для дальнейших наших рассуждений обстоятельство: из приведенных описаний видно, что украшение деревца на выезде из деревни и приколачивание украшенного деревца под коньком дома связаны друг с другом, а вот заламывание или заворачивание верхушки может совмещаться с украшением деревца или существовать самостоятельно — и даже в иной (не рекрутской) обрядовой системе. Следовательно, украшение и залом являются отдельными элементами обряда и могут иметь разное происхождение.

Оба обычая — и деревце на фасаде, и заломы на выходе из деревни — описаны в литературе. В частности, в исследовании Ж. В. Корминой, специально посвященном рекрутской обрядности, рассматриваются обычаи таких памятных знаков о рекруте и очерчивается ареал их распространения.⁴ На западе доступные примеры, практически совпадающие с нашими материалами, имеются из Вашкинского, Вожегодского, Белозерского районов Вологодской области. Западнее Белозерья свидетельства уже вызывают сомнения. Такова, например, единичная дореволюционная параллель из Гдовского уезда Петербургской губернии:

³ Благодарю Е. Л. Березович за консультацию и предоставленные материалы.

⁴ См.: Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М., 2005. С. 192–201.

«Заламывали берёзки для памяти. Девушкам показывали, что в лес пойдёте, вот это... это меня веточка отломана, это меня веточка отломана. Для памяти. Да... Это ломали веточки для своих... для своих девушек. Чтоб помнили. Чтобы помнили оне».⁵

Здесь нет ни привязки непосредственно к моменту проводов в армию, ни указания на коллективный характер обряда и на выбор дерева в конкретном месте — по всей вероятности, это действительно просто личная «память», которую рекрут оставлял для своей девушки. На северо-востоке Новгородской области (Любытинский р-н) обряд завивания березки известен только как вариант пастушеского обхода,⁶ вследствие чего к нашему ареалу отнесен быть не может. На севере достаточно отдаленные аналоги отмечены в Заонежье и у поморов. Приводимые Ж. В. Корминой чувашские и удмуртские элементы обрядов проводов в армию⁷ с деревьями напрямую не связаны и вряд ли сопоставимы с нашими материалами. Таким образом, ареал заломов-«памятей» в рекрутской обрядности начинается на западе в Белозерье и тянется до востока Вологодской и северо-востока Костромской области. Следует заметить, что область распространения обычая украшения дерева выглядит шире: он встречается и дальше на юге, охватывая даже Варнавинский район Нижегородской области. Неполное совпадение географии заломов и украшения дерева в рекрутской обрядности является еще одним аргументом в пользу раздельного рассмотрения этих обычаев.

В близком к исчерпывающему тезаурусе Т. А. Агапкиной говорится: «единственный семейный обряд <у славян>, в котором ель использовалась почти регулярно, — это локальный вариант установления деревца при проводах рекрута. Обряд известен на ограниченной территории преимущественно северо-востока Европейской России (Костромская, Вологодская обл., кое-где на Урале, значительно реже в других местах». Наряду с двумя указанными выше вариантами (деревце под коньком дома и залом верхушки) Т. А. Агапкина приводит две их версии из Костромской и Вологодской области: в день ухода рекрута девушки сами приносили елочку или ветку из леса (иногда ее выламывал и давал им сам рекрут), украшали ее лентами, ставили над иконами в крас-

ном углу, а после проводов приколачивали снаружи дома; при рождении мальчика сажали дерево, росшее вместе с ним, и перед уходом в армию рекрут навязывал на него ленты, остатки которых снимал сам по возвращении домой.⁸

Вторая версия имеет и женский вариант, полезный для наших дальнейших рассуждений: если парень навязывал ленты на дерево, посаженное при его рождении, уходя в армию, то девушка делала то же самое перед замужеством.⁹ Здесь виден параллелизм обычая украшения дерева в рекрутской обрядности и свадебного деревца, о чем речь пойдет ниже.

Т. А. Агапкина отмечает функцию дерева как памяти о рекруте и индикатора его судьбы, дополнительно выделяет идею возвращения домой и сопоставляет эти обряды с мотивом «деревца или ветки, принесенных в дом как залог возвращения ушедшего» (примеры с первым выгоном скота и занесением веток, чтобы корова возвращалась в хлев, в Полесье и у русинов, а также упомянутый Ж. В. Корминой обычай поморских женщин уносить сосновые и еловые ветки с места расставания с мужем и втыкать их над дверью дома для его благополучного возвращения).¹⁰ Естественно, указанный общий мотив может воплощаться в различных обрядовых сферах, в том числе и в рекрутской, но это положение применимо к обычаю украшения дерева, в то время как залом/кулак вряд ли сюда относится: в этом случае дерево отнюдь не приносят домой, оно остается в лесу. По-видимому, здесь вновь следует разделить украшение дерева и залом/кулак как два генетически разных элемента рекрутского обряда. Это разделение следует и из материалов Т. А. Агапкиной: приводимые ею параллели к вологодско-костромским заломам у карел (*карсикко*) и у бесермян (*солдатская ель*)¹¹ гораздо ближе и при этом маркируют совсем другой в географическом и этноязыковом смысле ареал. У того же автора приведены обычаи русских Лешуконья (басс. Мезени) *новízно* и *залазь*, когда впервые выходящий на работу в новом месте человек устраивал по этому поводу угощение и в честь угощавшего кто-либо из участников срубал несколько веток на елочке (в случае *залази* —

⁵ Там же. С. 192.

⁶ См.: Там же. С. 193.

⁷ См.: Там же. С. 201.

⁸ См.: Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. Очерки. М., 2019. С. 90–92.

⁹ См.: Там же. С. 513.

¹⁰ См.: Там же. С. 92.

¹¹ См.: Там же.

влезая на дерево). Думается, Т. А. Агапкина совершенно права, называя эти обычаи *кар-сикко неофита*¹² (термин применительно к карелам предложен А. П. Конккой): здесь есть все основания предполагать прямое (субстратное) заимствование из прибалтийско-финской традиции. Выше мы уже видели, что такую же функцию в Костромской области выполняли завёртышки/кулаки на верхушках деревьев.

Таким образом, анализ элементов рекрутской обрядности с деревьями в вологодско-костромском ареале позволяет выделить в ней два изначально не связанных друг с другом комплекса: 1) обычая украшать дерево на выходе из деревни в лесу либо приносить его в деревню, украшать там и подвешивать под коньком дома рекрута, где оно остается до возвращения солдата, после чего его уничтожают; 2) обычая делать на живом дереве на выходе из деревни залом верхушки в сторону дома или завёртышек, закручивая верхушку кольцом; дерево остается в лесу, по его состоянию узнают о судьбе солдата, по возвращении которого никаких специальных действий с таким деревом не предпринимают; иногда таким образом маркировали деревья в память о других важных событиях в жизни человека. Эти два обрядовых действия могут совершаться в рамках одного обряда, образуя разнообразные комплексы, но все-таки разделяются даже в сознании самих носителей традиции:

На берёзе-ти вешали, платки вешали али ленты хто. Товаришиши евоные вешали. На каку навязжут. Венки тожо делали, на угол приделывали. Берёзки заламывали — как пошли туды провожать, и дойдёшь до кустов-то, берёзку заламят. Одну берёзку нарядят, другу заламят (Мак.: Юрово).

Аналогичным образом частично пересекаются ареалы этих обрядов в пределах широкой полосы от Белозерья на западе по южным районам Вологодской области и почти по всей Костромской области на восток, до восточных границ этих областей (Урал и т. д., скорее всего, вторичные зоны распространения), причем ареал обычая украшать дерево встречается и значительно южнее. Достаточно ограниченный ареал, очевидно, свидетельствует о локальном происхождении наших обрядов, которое должно было иметь какие-то причины.

Два представленных здесь обрядовых комплекса при всей их взаимосвязи и взаимовли-

янии, следовательно, вряд ли имеют общие истоки. Рекрутский обряд, представляющий собой типичный *rite de passage*, причем в силу понятных исторических причин, безусловно, позднейший и формировался включая в себя элементы других, более старых переходных обрядов, типологически ближайшим из которых является свадебный. Поэтому в поисках истоков рассматриваемых комплексов прежде всего следует обратиться к свадебной обрядности, предполагая возможность переноса отсюда элементов в формировавшийся в XVIII–XIX вв. рекрутский обряд.

Относительно украшенного деревца такая возможность практически лежит на поверхности: «свадебное деревце — один из основных атрибутов свадебного обряда у славян, наряду со свадебным венком, караваем и знаменем... Как самостоятельный атрибут свадебное деревце известно всем славянам... По форме свадебное деревце представляет собой небольшое дерево (часто верхушку, одну или несколько веток) или куст, иногда искусственное деревце, специально изготовленное... Чаще всего используются хвойные деревья, из которых наиболее распространены ель или сосна... изредка встречаются некоторые другие вечнозеленые растения (олеандр, вереск, самшит, розмарин)»¹³ (далее А. В. Гура приводит примеры использования березы у разных групп русских). Такое деревце символизирует невесту и называется у русских «(девичья) краса» или «воля». Эта символика может проявляться в украшении деревца куклой, изображающей невесту, или бутылкой, завернутой в бумагу наподобие сарафана (русские Вологодской, Псковской, Ярославской обл.), — ср. выше куклу-солдатика на деревьях рекрутского обряда. В день свадьбы такое деревце словаки выставляли на заборе перед домом невесты, а русские Нижегородской области вывешивали на доме невесты — практически так же, как и наши рекрутские деревья. Обычно в конце свадьбы деревце уничтожают, раздавая ветки и украшения гостям, что совпадает с уничтожением украшенного дерева после возвращения солдата; однако у русских встречается обычай беречь свадебное дерево до следующей свадьбы в нежилрой избе как символ счастья невесты: если подруги сберегут свадебное деревце, то жизнь молодой сложится удачно.¹⁴

¹³ Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2011. С. 254.

¹⁴ См.: Там же. С. 265–269.

¹² См.: Там же. С. 94.

Таким образом, украшенное деревце, размещаемое под коньком дома рекрута, и варианты этого обычая можно рассматривать как перенос в рекрутскую обрядность общеславянской традиции свадебного деревца, символизирующего *девичью красоту*. Нерешенным остается вопрос о том, почему такой перенос, в принципе вполне естественный и ожидаемый, произошел только в одном регионе. На этот вопрос попытаемся дать ответ в конце статьи.

По-другому с обычаем заломов/завёртышков: как было верно указано Т. А. Агапкиной,¹⁵ прямых параллелей не только у русских за пределами нашего ареала, но и в славянском мире в целом у этих обычаев практически нет. Нельзя не заметить, что в значительной части ареал традиции заломов совпадает с территорией распространения субстратной топонимии мерянского типа, точнее, той ее части, которая сегодня определяется как наследие костромской мери (в отличие от ростовской мери и нижнеклязьминцев-муромы).¹⁶ Северные и восточные границы данной традиции, возможно, выходят за рамки костромской мерянской топонимии, но это объяснимо переносом традиции в ходе миграций русского населения. Можно ли предполагать здесь субстратное мерянское наследие? Поскольку о духовной культуре мери мы ничего не знаем, имеет смысл обратиться к финно-угорским параллелям, которые могут указывать на мерянские истоки наших обычаев. Такие параллели, очевидно, имеются, и нам уже приходилось писать о них в несколько ином контексте.¹⁷

Самая очевидная параллель описана у берсермян и некоторых групп удмуртов.¹⁸ В память об уходящем в армию призывнике у выбранный им на краю селения ели подрубали верхушку и срубали ветки, оставляя голый участок ствола между верхушкой и ветками внизу. На это дерево призывник привязывал полотенце и/или прибывал ленту, используя вместо гвоздя монету (точно так же почти повсеместно у удмуртов призывник вбивал ленту в матицу в своем доме). Такое дерево называют по полученной форме *чъртыё кыз* 'ель с

шеей' или *йъръям кыз* 'оглавленная ель', но чаще просто *салдат кыз* 'солдатская ель'. Поскольку оно служит «двойником» ушедшего, его оберегают и о судьбе солдата судят по его состоянию. Разница с нашими заламами только в способе обработки дерева, но, во-первых, мерянская традиция не должна была обязательно совпадать с удмуртской, во-вторых, это можно объяснить редукцией обряда при заимствовании его в русскую культуру.

Удмуртская *чъртыё кыз* по своей форме и функционально почти идентична карельскому *карсикко*.¹⁹ *Карсикко* (от *karsia* 'обрезать, обрубить (сучья, ветки дерева)') карелы и некоторые группы финнов делали из ели или сосны, обрубая ветки ниже верхушки и оставляя, помимо нижних веток, еще пару или более на голой «шее» (см. рис. 1, 4), на стволе могли вырезать крест или надпись. Конкретная форма *карсикко* зависела от семейного положения вырубавшего, повода, по которому его делали, и т. д. При изготовлении *карсикко*, как правило, организовывали небольшое угощение, а впоследствии его посещали как памятное место, также сопровождая этот процесс угощением и вешанием на него лент и т. п. *Карсикко* делали солдаты, уходящие на войну, что напрямую сближает его с *чъртыё кыз* и с нашими рекрутскими заламами. Однако в целом функции *карсикко* были шире: их устраивали по случаю удачной рыбной ловли, первой поездки в город или на ярмарку, первого посещения девушкой праздника в соседней деревне, в честь невесты, на кладбищах, чтобы заместить умершего, и т. д.

Карельское *карсикко* представляет собой, пожалуй, наиболее развитый вариант известных многим финно-угорским народам представлений о личном дереве. Хорошо описана еще традиция коми: у каждого человека есть 'свое дерево', коми *ас пу*, дерево-двойник, которое можно найти в лесу, оно может говорить с двойником-человеком, а предметы, сделанные из него, наделяют двойника-человека волшебными способностями.²⁰ Интересно, что такое же объяснение дереву с заломом, состояние которого отражает судьбу ушедшего солдата, давали и наши костромские информаторы:

¹⁵ См.: Агапкина Т. А. Указ. соч.

¹⁶ См.: Напольских В. В., Савельев А. В. Мари, меря, мурома — история этнонимов и реконструкция языков субстратной топонимии // Вопросы ономастики. 2023. № 3. С. 9–30.

¹⁷ См.: Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–28.

¹⁸ См.: Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты берсермян. Ижевск, 2011. С. 150–154.

¹⁹ См.: Holmberg U. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja. Helsinki, 1924. № 4. S. 7–82; Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85–112.

²⁰ См.: Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 85.

«У каждого человека должно свое дерево быть, и каждое дерево свою силу дает» (Меж.: Первомайский).

В славянских традициях параллелизм судьбы дерева и человека тоже существует, особенно это отражено в обычае сажать дерево при рождении ребенка и следить за его состоянием, распространенном повсеместно.²¹ Думается, подобные обычаи представляют собой в известном смысле мифологическую универсалию, см., например, эпос киче «Пополь-Вух»: герои перед уходом из дома сажают два тростника («знак о нашей судьбе»), по состоянию которых бабушка и мать будут судить об их участи.²² Особенность, отделяющая наш случай, состоит в том, что дерево не сажают специально, а отыскивают/выбирают и особым образом оформляют. Такой выбор двойника среди деревьев у славян Т. А. Агапкина находит только у русских в Заонежье (где явно прослеживается влияние карельской традиции *карсикко*) и в нескольких регионах Боснии, где считали, что связь человека с деревом устанавливалась в момент рождения ребенка, когда в лесу появлялось и его дерево; такое дерево находили, старались сохранять, и считалось, что в случае опасности для него или для его двойника-человека дерево кричит, а затем гибнет вместе с человеком. Остальные славянские параллели носят слишком общий характер и едва ли могут рассматриваться как связанные с нашими обычаями.²³ О происхождении боснийских поверий судить сложно, но вряд ли они связаны с костромскими и вологодскими, поскольку они выглядят даже на славянском фоне изолированными и могут иметь какие угодно истоки, учитывая сложность балканской этнокультурной истории, да и сходны они скорее с представлениями об *ас пу* у коми, чем с нашими заломами. Таким образом, более вероятной представляется версия происхождения обычая заломов в конечном счете из субстратной костромской мерянской традиции — подобно приведенным выше примерам заимствования разными русскими группами традиции, близкой к карельской *карсикко*.

Насколько, однако, возможно предполагать существование обычая маркирования личного дерева по образцу *карсикко* в культуре

костромской мери? Ведь прямых параллелей не так много и в финно-угорском мире: *карсикко* и *чъртыё кыз*. Полагаем, что все-таки есть основания видеть здесь отголоски очень древней северноевропейской традиции, сложившейся не только на западе, но и на востоке уральского этнолингвистического ареала.

Во-первых, я уже указывал вслед за Л. Н. Жуковой²⁴ на абсолютное сходство *карсикко* с обычаем колымских юкагиров изготавливать таким же образом оформленное «свое дерево» в память о себе или о другом человеке. Дерево (лиственницу) выбирали в зависимости от пола человека на приметном месте, обламывали ветки под вершиной, оставляя «голову» с «шеей», ниже — две «руки», еще ниже могли оставить часть веток как «тело». Такое дерево называлось *орполубэ* — это слово Л. Н. Жукова трактует как '(место), где что-то висит', поскольку после того, как человек-двойник дерева умирал, дерево посещали, показывали детям, называя именем его двойника и вешали на него приношения умершему. Такая этимология возможна (ср. *орпуо* 'висеть, быть развешанным', *орполь* 'вешалка'), но нельзя исключать и связи этого слова с основой *арнай-* 'подняться, забраться (наверх)' — ср. образованное от него *орполубэ* 'подъем (например, дороги), место, где поднимаются': человек, изготовлявший *орполубэ*, забирался на дерево (как и в случае с *карсикко*, *чъртыё кыз* и см. ниже).²⁵

Традицию изготовления *орполубэ* еще помнят, такие деревья можно видеть и сегодня (см. рис. 1, 5), о них записываются фольклорные тексты,²⁶ изготовление *орполубэ* даже предлагалось туристам.²⁷ Традиция *орполубэ* базируется на представлениях о личной связи человека и дерева, отраженных в юкагирской пиктографии²⁸ (см. рис. 1, 6) и в фольклоре, где лиственницы (*өнмиэдиэ* или *одул шаал* 'юкагирское дерево') выступают как заместители людей:

²⁴ См.: Напольских В. В. Указ. соч. С. 26, 27; Жукова Л. Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск, 1988.

²⁵ См.: Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск, 2021. С. 53, 221. Благодарю П. Е. Прокопьеву за консультацию.

²⁶ См.: Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск, 2009. С. 130, 131.

²⁷ См.: Сафари на снегоходах по историческим местам юкагиров. URL: <https://people.ucoz.ru/news/2007-01-21-8> (дата обращения: 23.11.2023).

²⁸ См.: Жукова Л. Н. Указ. соч.

²¹ См.: Агапкина Т. А. Указ. соч. С. 512, 513.

²² См.: Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М., 1959. С. 58.

²³ См.: Агапкина Т. А. Указ. соч. С. 513–518.

Тудаа мит одулэ	Раньше мы, юкагиры,
Уонуол параагэ	В пору молодости
Чумут шахальашнундъ- шили, йо,	Все собирались,
Киэйэн кэлут,	Вперед приходили,
Ньямлит модот,	Обнявшись, сидя,
Йахтанундъшили, йо.	Пели.
<...>	<...>
Тудаа өнмидиэпэ, йо,	Раньше лиственницы
Чумут чозосьо будиэ, йо,	все на высоком берегу
Шахальашнундъшили, йо,	Собирались,
Лондаанундъшили,	Танцевали,
Йохарэ	Круговой танец
лондаанундъшили.	танцевали. ²⁹

Поразительное сходство *карсикко* и *орполубэ* на крайнем западе и крайнем востоке урало-юкагирского мира вряд ли можно объяснить случайностью. Скорее всего, перед нами реликты старой (уходящей в мезо- или даже палеолитическое время) северноевразийской традиции. О ее глубокой древности свидетельствует обнаруженная М. А. Живловым³⁰ американская параллель. У индейцев карок (бассейн р. Кламат, северо-запад Калифорнии, языковая семья хока)³¹ еще в начале XX в. при подготовке очистительного обряда в палатке для потения мужчина отправлялся в горы, находил там приметное хвойное дерево, забирался на него и обламывал ветки под вершиной так, чтобы оставить верхушку (подобно «голове» *карсикко* и *орполубэ*) и две ветки ниже ее («руки»), указывающие на восток и на запад. Собранные ветви он с пением ритуальных песен относил в палатку для очага, а дерево с этого момента считалось связанным с этим человеком, а после его смерти напоминало о нем близким.³² Такое дерево называли *ikfiithar* 'обрезанное, стриженное' (< *ikfith* 'обдирать (ветки с дерева)')³³ — название в точности соответствует по значению карельскому *карсикко* < *karsia* 'обрезать, обрубить (сучья, ветки дерева)'. Как видим, функционально *ikfiithar* карок вполне сопоставим с *орполубэ* и *карсикко*, внешний

же вид такого дерева просто идентичен его северноевразийским параллелям (см. рис. 1, 7).

Ниже карок по течению р. Кламат живут индейцы юрок, язык которых относится к алконкино-ритванской семье, по культуре очень близкие к карок. У них топливо для палатки для потения заготавливалось таким же образом, и в округе можно было повсюду видеть высокие деревья, имевшие словно бы гигантские головы и руки.³⁴

Решая вопрос об истоках параллелизма *ikfiithar* карок, *орполубэ* юкагиров и *карсикко* карел следует иметь в виду, что Северная Калифорния — один из ареалов распространения в Северной Америке архаичных мифов о нырянии за землей, происхождение которых связано с верхнепалеолитическим населением Северной Азии, а в языковом отношении — с предками носителей урало-юкагирских языков.³⁵ По-видимому, проникновение рассматриваемых здесь обычаев ритуального оформления деревьев в Северную Америку может быть связано с теми же древними процессами, что привели к распространению мифа о нырянии за землей. Таким образом, гипотеза о древнем северноевразийском (урало-юкагирском) происхождении традиции памятных личных деревьев типа *карсикко/орполубэ* получает дополнительное подтверждение. Следовательно, возрастает и вероятность того, что в культуре костромской мери присутствовал какой-то вариант этой традиции, реликтом которого являются обнаруженные у русских Вологодской и Костромской областей памятные заломы деревьев.

В целом предлагаемая гипотеза выглядит следующим образом. В Северной Евразии по крайней мере с финального палеолита существовала традиция ритуального оформления хвойного дерева путем обрывания его веток так, чтоб оставить «голову», «шею» и «руки». Такое дерево делали в память о важнейших событиях в жизни человека, и оно становилось двойником субъекта, в честь которого сделано. Эта традиция была распространена прежде всего у народов урало-юкагирского круга, и реликты ее сохранились в обрядовой практике карел и финнов (*карсикко*), удмуртов

²⁹ Прокопьева П. Е. Указ. соч. С. 136, 137.

³⁰ Устное сообщение. Благодарю М. А. Живлова за консультацию, предоставленные материалы и любезное согласие на их использование.

³¹ См.: Zhivlov M. Hokan family and lexicostatistics. 2013. March 20. URL: https://starlingdb.org/confer/o7_Zhivlov.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

³² См.: Schenck S. M., Gifford E. W. Karok ethnobotany // Anthropological Records. Berkeley, Los Angeles, 1952. Vol. 13, № 6. P. 379; De Angulo J., Freeland L. S. Karok Texts // International Journal of American Linguistics. 1931. Vol. 6, № 3/4. P. 218.

³³ См.: Bright W., Gehr S. Ararahih'uripih=Karuk Dictionary. URL: <http://linguistics.berkeley.edu/~karuk/karuk-dictionary.php?lxGroup-id=1768> (дата обращения: 17.01.2024).

³⁴ См.: Kroeber A. L. Handbook of the Indians of California / Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Washington, 1925. P. 81. Bulletin 78.

³⁵ См.: Напольских В. В. Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не попытка ради, а познания для...». К 75-летию Юрия Борисовича Симченко. М., 2011. С. 215–272.

и бесермян (*чыртыё кыз*), юкагиров (*орно-лубэ*). В культуре костромской мери также могла быть представлена эта традиция, возможно, в более редуцированном виде (залом или заворачивание верхушки дерева в память о важном событии). Этот обычай проник в культуру русского населения Вологодской и Костромской областей в результате ассимиляции мерянского населения. Первоначально он маркировал важные события в жизни людей и, возможно, обряды перехода (реликты такой

его функции сохранялись и до недавнего времени). В XVIII–XIX вв. в ходе формирования рекрутской обрядности этот обычай утвердился в указанном регионе как часть проводов в армию. Вероятно, манипуляции с деревом, привнесенные в рекрутскую обрядность из мерянского субстрата, способствовали переносу в этот обрядовый цикл в том же ареале и обычая украшать деревце и вывешивать его под коньком дома, который происходит из славянской свадебной традиции.

Vladimir V. Napolskikh

Member of the RAS, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

“PERSONAL TREE” IN NORTHERN EURASIA AND TRACES OF MERIAN SUBSTRATE
IN THE RUSSIANS’ CULTURE OF THE KOSTROMA REGION

In the rites of seeing off the conscripts in the Kostroma and Vologda regions the Ural Federal University Toponymic expedition recorded the custom of decorating a tree at the exit from the village or hanging such a decorated tree on the pediment of a recruit’s house, and the custom of breaking or wrapping the trees tops on the edge of the village (this was done also to mark some other significant events in human life). The article shows that these customs have different origins, they were included from different sources into the recruit’s leaving rite during its formation in the 18th–19th centuries. The custom of decorating trees is a direct borrowing from the wedding ceremony and comes from the common Slavic tradition to decorate a wedding tree, symbolizing “girlish beauty”. The custom of breaking a tree top has a substratum origin and probably goes back to the tradition of the Kostroma Meria, which is reconstructed on the basis of Uralo-Yukaghir concepts about a person’s connection with a tree and the ancient custom of marking important events in human life (*rites de passages*) by making a personal tree by breaking off branches on coniferous trees preserved by Karelians (*karsikko*), Udmurts and Yukaghirs, which penetrated into North America in ancient times and was found among the Karok Indians in Northern California.

Keywords: *ethnography, Russians, rites of seeing off the conscripts, Merian substratum, trees in rituals, karsikko, Uralic peoples, Northern Eurasia*

REFERENCES

- Agapkina T. A. *Derev’ya v slavyanskoy narodnoy traditsii. Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition. Essays]. Moscow: Indrik Publ., 2019. (in Russ.).
- Bright W., Gehr S. Ararahih’uripih=Karuk Dictionary. Available at: <http://linguistics.berkeley.edu/~karuk/karuk-dictionary.php?lxGroup-id=1768> (accessed: 17.01.2024). (in English).
- De Angulo J., Freeland L. S. Karok Texts. *International Journal of American Linguistics*, 1931, vol. 6, no. 3/4, pp. 194–226. (in English).
- Gura A. V. *Brak i svad’ba v slavyanskoy narodnoy kul’ture: semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik Publ., 2011. (in Russ.).
- Holmberg U. Suomalaisten Karsikoista. *Kalevalaseuran vuosikirja 4*. Helsinki: WSOY, 1924, pp. 7–82. (in Finnish).
- Keeling R. *Cry for Luck. Sacred Songs and Speech Among the Yurok, Hupa, and Karok Indians of Northwestern California*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992. (in English).
- Konkka A. P. [Karelian and East Finnish Karsikko in the Circle of Religious and Magical Notions Associated with Tree]. *Etnokul’turnyye protsessy v Karelii* [Ethnocultural Processes in Karelia]. Petrozavodsk: Karel’skiy filial AN SSSR Publ., 1986, pp. 85–112. (in Russ.).
- Kormina Zh. V. *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza* [Seeing Off to the Army in Post-Reform Russia. Experience of Ethnographic Analysis]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2005. (in Russ.).

Kroeber A. L. *Handbook of the Indians of California*. Washington: Government Printing Office, 1925. (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bulletin 78). (in English).

Mifologiya komi [Komi Mythology]. Moscow; Syktyvkar: DiK Publ., 1999. (Encyclopedia of Ural mythologies; vol. 1). (in Russ.).

Napolskikh V. V. [The Myth of Diving for Land (A812) in Northern Eurasia and North America: Twenty Years Later]. “*Ne lyubopytstva radi, a poznaniya dlya...*” *K 75-letiyu Yuriya Borisovicha Simchenko* [“Not for the Sake of Curiosity, but for Knowledge...” To the 75th Anniversary of Yuri Borisovich Simchenko]. Moscow: IEiA RAN Publ., 2011, pp. 215–272. (in Russ.).

Napolskikh V. V. [The Mythologem of the World Tree and Mythologies of Peoples of the Uralic Linguistic Family]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2012, no. 6, pp. 19–28. (in Russ.).

Napolskikh V. V., Savelyev A. V. [Mari, Merya, Muroma — History of the Ethnonyms and Reconstruction of the Substrate Toponymy Languages]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2023, no. 3, pp. 9–30. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029 (in Russ.).

Popol'-Vukh. Rodoslovnaya vladyk Totonikapana [Popol Wuj. Genealogy of the Lords of Totonicanpan]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1959. (in Russ.).

Popova E. V. *Kul'tovyye pamyatniki i sakral'nyye ob'yekty besermyan* [Cult Sites and Sacred Objects of the Besermyans]. Izhevsk: UdIYAL UrO RAN Publ., 2011. (in Russ.).

Prokopyeva P. E. *Otrazheniye mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klore* [Reflection of Mythological Thinking in Yukaghir Folklore]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2009. (in Russ.).

Prokopyeva P. E., Prokopyeva A. E. *Yukagirsko-russkiy slovar' (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukaghir-Russian Dictionary (Language of the Forest Yukaghirs)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2021. (in Russ.).

Schenck S. M., Gifford E. W. Karok Ethnobotany. *Anthropological Records*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1952, vol. 13, no. 6, pp. 377–392. (in English).

Zavoiko G. K. [In the Kostroma Forests along the Vetluga River (Ethnographic Materials Recorded in the Kostroma Province in 1914–1916)]. *Etnograficheskiy sbornik* [Ethnographic Collection]. Kostroma: Tipografiya Ritter Publ., 1917, pp. 3–40. (Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region; iss. 8). (in Russ.).

Zhukova L. N. [The Image of a Man in the Pictographic Writing of the Yukaghirs]. *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri* [Language — Myth — Culture of the Peoples of Siberia]. Yakutsk: YaSU Publ., 1988, pp. 126–146. (in Russ.).

Для цитирования: Напольских В. В. «Личное дерево» в Северной Евразии и следы мерянского субстрата в культуре русских Костромского края // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-6-15.

For citation: Napolskikh V. V. “Personal Tree” in Northern Eurasia and Traces of Merian Substrate in the Russians’ Culture of the Kostroma Region // Ural Historical Journal, 2024, no. 2(83), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-6-15.